

ПЕВЕЦ В

ЖИЗНЬ свела меня с Собиновым при исключительных обстоятельствах. И хотя это было почти полвека назад, но события тех лет не только освещают добавочным светом личность Леонида Витальевича, а и дают повод для обобщающих мыслей о других больших художниках.

Мне только начинался третий десяток, знаменитый артист кончал пятый. Шли первые месяцы 1921 года, которые для Крыма были первой весной без белогвардейцев. Собинов заведовал подотделом искусств Севастопольского уездного отдела народного образования. Я приехал в Севастополь, где находилось полуправление военного флота Черного и Азовского морей, в политпросвете которого занял должность завлитчастью.

— Видели ли вы Шалапина? — был один из первых вопросов Собинова, когда мы встретились. Я ответил, что истекшим летом видел его в «Русалке» и слышал в «Годунове». Эти «видел» и «слышал» сразу насторожили Леонида Витальевича. Поэтому пришлось объяснить, что, не попав в Зеркальный зал театра сада Эрмитаж, я восхищался жестуляцией сумасшедшего мельника снаружи через распахнутую портьеру. Собинов слушал ревниво, но сказал просто:

— Да, этого я не мог бы.

(То есть, потрясать зрителей вне звука. Красотою голоса он Шалапина не уступал, но не мог сравняться игрою).

Из новых людей Москвы его больше всех интересовал Луначарский, который вскоре, кстати сказать, и вызвал Собинова в столицу, причем не только петь, но и «администрировать», как и в Севастополе.

— В моей душе сидит генерал - губернатор, — шутил артист, когда встречал недоумение, зачем ему, великому певцу, заниматься директорствованием в Большом театре.

Возвращаясь к той первой севастопольской беседе с ним и к этим пытливым, порою наивным вопросам о Луначарском, а также об Южине, Брюсове, — теперь, через полвека, столь же явственно чувствую природу этой любознательности. Что Брюсов стал коммунистом, Собинов узнал от меня, об Южине и до того слышал как об артисте, с особою дружелюбностью работающем в советских органах. Луначарский же был в глазах Леонида Витальевича каким-то пришельцем из неведомого мира, но при-

На прием к Собинову ходили сотни людей — создавались самостоятельные художественные кружки, работало несколько профессиональных коллективов — в городе было до полутысячи актеров и музыкантов. Так и не знаю, хорошим ли «генерал-губернатором» искусства был Собинов, но только знаю, что был он вдохновенным «генерал - губернатором».

Причем бескорыстным. Конечно, жил он пообеспеченнее среднего человека. Но если учесть, что это было несколько фунтов хлеба, немного хамсы, сахара и крупы на его семью — семью человека, еще недавно получавшего 2.000 рублей золотом за один спектакль, и что этот человек теперь не пла-

кал, а именно наслаждался каждым кипучим днем своим, то мы ощути, как ощутил революцию Собинов.

Жили мы рядом, и это кипение приходов, уходов, приездов, отъездов на заседания, концерты я не мог не видеть. Слышал я его и в операх, ставившихся на Приморском бульваре, в театре Ренессанс, в партиях Ленского, Синопдала, особенно поражавшего именно молодого кипучестью.

НЕОБЫЧНОЙ

шельцем столь огромным, что оказывался способным властно подчинять себе круг лидеров старой интеллигенции.

И в севастопольских масштабах Собинов с трогательною искренностью делал то, что в Москве делал Южин, Брюсов. Не всегда верно понимают мотивы пребывания столичных культурных деятелей на юге в 1918—1921 годы. Добрая половина их бежала не от большевиков, а от голода. Собинов радовался приходу большевиков особенно потому, что они сразу создали атмосферу непрерывного творчества. Начальницей Собинова была заведовавшая отделом народного образования 19-летняя коммунистка Шейндлина, а ее мужу предревкома Крылову было 25 лет. Эти юные люди прекрасно понимали душу артиста, помогали преодолеть секунды упадка («Я потерял крылья», — сказал однажды Леонид Витальевич после концерта, в котором, как ему показалось, он пел ниже прежнего уровня). Вне этих же минут он жил в Севастополе в постоянном вдохновении выступлений — на боевых кораблях, в только что созданных — подчас самим Собиновым — клубах, в цехах только начинавших действовать заводов.

РОЛИ

Почти одновременно с тем, когда он заведовал уездным отделом искусств Севастополя, окружным отделом искусств Новороссийска ведал В. Э. Мейерхольд. Мне пришлось побывать и в Новороссийске вскоре вслед за Всеволодом Эмильевичем, и город казался еще насыщенным им. Вспоминали организованное им уличное сценическое революционное действо, в которое неистовый Всеволод вовлек тысячи человек. Так и Собинов руководил в Севастополе удлинною инсценировку взятия Бастилии. И вот приходит в голову, что когда гений или почти гений искусства сливает свою жизнь со средним провинциальным городом (именно сливается, живет в нем, а не появляется как высокомерный гастролер, полубог), то что-то удивительное происходит с городом. Он идет вверх, его эталоны становятся выше.

А. ПОКРОВСКИЙ.

г. Москва.

8 ИЮН 1967

ЮНОСТЬ
г. Ярославль